

терминах: ибо оно остается всегда одною из великих и необходимых форм человеческой жизни»,³ — отмечал он.

Вместе с тем правосознание рассматривалось им в качестве «духовной основы государственного бытия». Разрушение в той или иной стране правосознания Ильин считал фактором, который неизбежно ведет ее к политической катастрофе — к гибели существующего в ней государства. «Революция зарождается в стране не в момент уличных движений, но в тот момент, когда в душах начинает колебаться доверие к власти»,⁴ — констатировал он. Сущность же доверия к власти ученый видел в признании ее правотворческой компетентности, правовой воли и благонамеренной силы, а недоверие к власти расценивал как непризнание, отвержение государственного авторитета. Соответственно распространение презрения к государственной власти он рассматривал в качестве процесса, неминуемо влекущего за собой разложение правосознания. «Когда народ теряет уважение к своей власти или начинает питать к ней даже презрение, — отмечал Ильин, — то это означает, что его настигло глубокое духовное бедствие. Презрение к государственной власти есть начало всеобщего духовного развенчания и совлечения; за отрицанием публичных обязанностей идет отрицание всяких связей: презрение к государственному авторитету разлагает правосознание, разложение правосознания неминуемо захватывает честь и совесть, убивает чувство меры и справедливости, угашает веру и религию. Народ становится жертвою *духовного нигилизма*. Поэтому тот, кто облечен властью, имеет священную обязанность поддерживать уважение к ней. “Престиж” власти и “авторитет” власти составляют драгоценное достояние народа, его духовное богатство, залог его силы и расцвета: это есть накопленное веками уважение народа к самому себе и к своему национальному духу».⁵

Приведенные слова характеризуют состояние, в котором пребывает в настоящее время наше Отечество. В третий раз за столетие оно стоит перед реальной угрозой крушения государственности. И главной силой, разрушающей российское государство, снова выступает правящая группировка, которая не только не выполняет своей священной обязанности поддерживать в народе уважение к государственной власти, но, обезумевшая и морально деградировавшая от самовластия и всевластия, делает как будто все для того, чтобы такое уважение полностью искоренить и ввергнуть Россию в еще одну кровавую революцию.

В этих условиях творческое наследие И. А. Ильина и в особенности все то, что он писал о правосознании, является в высшей степени актуальным для нас. Идеи, высказанные выдающимся русским мыслителем эпохи мировых войн и революций, помогают многое понять в сущности разрушительных процессов, происходящих в общественном и государственном организме современной России.

* * *

В феврале 1918 г. И. А. Ильин выступал в публичном собрании Общества младших преподавателей Московского университета с большой речью на тему патриотизма, в которой предпринял попытку объяснить русскую

³ Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. Т. 4 / сост. и комм. Ю. Т. Лисицы. М., 1994. С. 155.

⁴ Там же. С. 374.

⁵ Там же. С. 381–382.

катастрофу 1917 г. «В наши дни душа живет скорбью и гнетом, — начал он свое выступление. — Мы все ходим подавленные, в непрестанной борьбе с чувством *стыда* и *беспомощной растерянности*. Душой овладевает странное и невыносимое чувство, *что нас нет*; то, что мы считали *собой*, *рассыпалось*; распалось; и не стало единого, великого народа; нет его *воли*; умолк его *разум*; извратилось его *чувство*; разложилась его жизнь. Где то, что называлось сотни лет “Русским государством”? Есть ли в его гражданах *сознание* своего единства? Есть ли *воля* к единению? Где единая, верховная *власть*? Есть ли определенная *территория*? Где основные и неосновные *законы*? Где *армия*? Где *суд*? Где *права и обязанности граждан*? А если нет этого всего, то можно ли говорить о Русском государстве? — когда все, все, все в разложении, в прахе, в позоре. Наша Россия стала тучею песка или пыли, которую гонит куда-то ураган истории».⁶

Набросав несколькими мазками печальную картину крушения русской государственности, Ильин задался вопросом: «Что же рассыпало нас? Чем вызвано это разложение и распыление?» Напрашивавшийся в данном случае ответ «войною и революцией» он назвал общим. Потому что такой ответ вызывал новый вопрос: почему же война породила революцию? И почему революция, целью которой было, по замыслу революционеров, «организовать Россию и спасти ее от поражения», разложила страну и обеспечила ее поражение так, как не могли осуществить этого никакие усилия старой власти?

Причины русской катастрофы, говорил при ответе на эти вопросы Ильин, нельзя сводить к «хозяйственной и технической отсталости» России. Иначе останется неясным, почему страна разложилась именно тогда, когда влияние этого фактора на ход войны было почти преодолено? Очевидно, что здесь проявились более глубокие дефекты — дефекты не материальные, а духовные. «Беспомощная и ленивая мысль, — продолжал он, — охотно останавливается на чьей-нибудь личной вине или на партийных ошибках. Конечно, было много личных промахов и неспособностей; еще больше было партийных ошибок и преступлений. Но их мало осуждать. Их необходимо опознать и вскрыть. Свести к *общим закономерным увечьям русского духа*. Эти увечья характеризуют русскую душу во всех слоях народа; они характерны не только для простых масс, но и для всей партийной “революционной демократии”. Они более или менее присущи *каждому* русскому человеку, и только единицы, исключения, свободны от них всецело».⁷

После этих слов Иван Александрович вкратце охарактеризовал сущность четырех увечий русского духа, от преодоления которых зависело, по его мнению, будущее России.

Первым недугом им было названо «отсутствие сколько-нибудь сильного и зрелого *правосознания*». «Русские люди, — констатировал он, — *не знают права*; они не понимают, что оно имеет *объективное содержание*; не видят его *объективного значения*; не признают его, не уважают, не вменяют себе в обязанность его *добровольное соблюдение*; они не *мотивируют* правом свои поступки, блюдут его только из страха или корысти; не умеют ни жить им, ни творить его, ни *бороться* за него».⁸

⁶ Ильин И. А. О патриотизме // Собр. соч.: Справедливость или равенство? / сост. и комм. Ю. Т. Лисицы. М., 2006. С. 353.

⁷ Там же. С. 354.

⁸ Там же. С. 354–355.

Вторым русским недугом, проявившимся в революционных событиях 1917 г., Ильин объявил в своей речи «непонимание сущности государства и неумение его строить». По его словам, русские люди не умели отличить «государства от государственной власти, а власть от лица, ею облеченного; они привыкли жить в своем государстве, как *больные, призреваемые* в больнице»; они не понимали, что «государство русское — это *они сами*, так что оно существует именно в *них, через них*, в виде их»; они не чувствовали себя «*включенными* в свое государство» и совершенно не сливались с ним; у них не было «ни *сознания* своего государственного единства, ни *воли* к его поддержанию, ни *способности* к его сохранению»; они умели *бояться* своей государственной власти, когда она была сильной, но не умели ее *уважать* и укреплять ее, когда она была слабой; они умели «*критиковать* ее, бранить, подозревать ее, *не доверять* ей, и, если надо, то подкупать ее взяткою»; но не умели «ни *доверять* ей, сколь бы честна и безукоризненна она ни была, ни *поддерживать* ее повиновением».⁹

Третьим русским недугом Ильин назвал «непонимание сущности демократии и извращенное отношение к народу». «Русские люди, — говорил он, — понимают демократию как систему угождения темной массе; как систему управления, основанную на лести и потакании; как систему уговаривающего безвластия; как словесный турнир партий, подкупающих темную массу неосуществимыми и противогосударственными посулами. Вот почему демократия превратилась у нас в *систему подкупа*, где революционная демократия подкупала народ посулами и масса валила за тем, кто больше наобещает или даст; и русская революционная интеллигенция превратила демократию в позорную распродажу с молотка русской государственной власти».¹⁰

Четвертым русским недугом и самым главным Ильин признал «недостаток истинного патриотизма».¹¹ Раскрытию сущности патриотизма, обоснованию того, что именно «любовь к отечеству *лежит в основе* и могучего правосознания, и здоровой государственности, и нормальной демократии», он посвятил большую часть своего выступления перед молодыми преподавателями Московского университета в феврале 1918 г.

О пороках русского правосознания и способах их преодоления И. А. Ильин говорил и в речи «Основные задачи правопведения в России», произносившейся весной 1922 г. на заседании Московского Юридического общества.¹² В самом начале своего выступления он заметил, что вынужден принять на себя «бремя почти непосильное — формулировать здесь те общие задачи, которые воздвигнуты историческими событиями перед русским правопведением».¹³ Это бремя, продолжал Ильин, должны поднять именно те русские правопведы, которые переживали выпавшую на долю России историческую трагедию в самой России — те, кто стоял в самом смерче и, изнемогая от скорби и стыда, созерцал это беспримерное бедствие, кто все видел, все перенес, все изболел и осмыслил, кто приобрел «*тот духовный опыт*, который будет потом светить нашим потомкам

⁹ Там же. С. 355.

¹⁰ Там же. С. 356–357.

¹¹ Там же. С. 357.

¹² В том же году текст этой речи был опубликован в журнале «Русская мысль», выходившем в Праге и Париже под редакцией П. Б. Струве (см.: *Ильин И. А. Основные задачи правопведения в России // Русская мысль. Прага, 1922. Кн. VIII–XII. С. 162–188*).

¹³ *Ильин И. А. Основные задачи правопведения в России // Собр. соч. В 10 т. Т. 9–10 / Сост. и комм. Ю. Т. Лисицы. М., 1999. С. 201.*

в поколениях», кто видел «и старое со всеми его недугами и во всей его государственной силе, и безмерное испытание войны, и упадок инстинкта национального самосохранения, и неистовство аграрного и имущественного передела, и деспотию интернационалистов, и трехлетнюю гражданскую войну, и психоз жадности, и безволие лени, и хозяйственную опустошительность коммунизма, и разрушение национальной школы, и террор, и голод, и людоедство, и смерть...».¹⁴

Конечно, отмечал И. А. Ильин, опыт, приобретенный русскими правоведами, не только правовой и политический — он одновременно и нравственный, и религиозный, исторический и духовный вообще, «но прежде всего это есть новый опыт в *праве и в государстве*».¹⁵ При этом Иван Александрович подчеркивал, что основная задача русского национального правоведения, и призвание его, и обязанность заключаются в том, чтобы осмыслить этот опыт. «Мы должны понять, и запомнить, и научить наших детей: этот опыт и эта мудрость куплены ценою великих национальных страданий; это одно из драгоценнейших достояний русской духовной культуры, добытое мукой и гибелью; а понести его, и соблюсти, и раскрыть должна *русская юридическая наука*»,¹⁶ — писал он.

Для решения этой основной задачи Ильин считал необходимым, чтобы каждый русский правовед, живший в России «в эпоху величайшего правового и государственного разложения», попытался установить «*органически-причинную*» и в то же время «*духовно-символическую*» связь между своим собственным правосознанием и всем тем, что произошло в России. «Эти события, — пояснял он, — с такою свирепою силою катились через наши души, что каждый из нас не только может найти *их в себе*, но должен, обязан *найти себя в них*».¹⁷ По его словам, «политическое событие есть всегда объективировавшийся сгусток множества *личных* душевных состояний и напряжений; ритм исторического процесса вырастает всегда из множества *индивидуально-духовных*, хотя и взаимодействующих, ритмов. Из действия миллиона *здоровых* правосознаний *не* возникнет общественно большое явление; а миллион *разлагающихся* правосознаний в их взаимодействии и сотрудничестве что даст кроме государственной гибели? И потому каждый русский человек обязан найти в *своем правосознании символ* национально-государственного распада, именуемого *революцией*, а в революции — химерически увеличенный образ своего правосознания».¹⁸

Ильин был убежден, что причина кризиса, вылившегося в русскую революцию, носит духовный характер, она таится в свойствах русского правосознания — общего, публичного и частного. «Задача русской интеллигенции — понять это и познать дефекты и недуги своего и общенационального правосознания, — заявлял он. — *Задача русского правоведения — прийти в этом на помощь интеллигенции и всему народу*: юристы должны осуществить это самопознание прежде всех и глубже всех и повести по этому пути за собой интеллигенцию и народ. Это и будет основой государственного обновления».¹⁹

¹⁴ Там же. С. 202.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Ильин И. А. Основные задачи правоведения в России.* Т. 9–10. С. 202.

¹⁷ Там же. С. 203.

¹⁸ Там же. С. 204.

¹⁹ Там же.

На почве такого «исконно дефективного» правосознания сложилась, по его мнению, слабость «национально-государственной скрепы» — недооценка взаимного уважения и взаимного доверия гражданина к гражданину, класса к классу, граждан к власти и власти к гражданам. Вместо этого — «господство системы взаимного подозрения, исключения, враждования, презрения — системы, насыщающей историческую атмосферу скрытою гражданскою войною. Индивид является органически не-врожденным в ткань родной страны до отождествления с нею; напротив, он тяготеет к атомизации, к распылению, к уходу в ложную, мнимую самобытность обреченного на беспомощность существа. Столетиями власть держала в покорности индивидуумов, и классы, и инородческие окраины, но не вращивала их в государственную ткань на основе свободно ощущенной и благодарно принятой солидарности... Бремя государственности было исторически велико и сурово, а духовным противовесом служила не духовная энергия здорового и патриотического правосознания, а санкционированная религиею пассивная терпеливость темного и покорного создания».²⁶ В этих условиях верхние слои русского общества «длительно и традиционно злоупотребляли своим преобладанием, обоснованным их культурностью, но не обоснованным или недостаточно оправдывавшимся их воленаправлением и их социально-политическим образом действий».²⁷ Тем самым «в русском национальном правосознании подрывалось здоровое, общественно необходимое, государственно обоснованное и духовно освященное чувство социального неравенства, функционального ранга, публично-правового во-главе-стояния».²⁸ В связи с этим «необходимая привилегированность высшего служения и духовной культурности дискредитировалась и превращалась в непредметную, а потому несправедливую привилегию. Необходимое, полное практической серьезности государственное принуждение дискредитировалось и превращалось в насилие класса над классом. Это вскармливало завистливую химеру равенства снизу и покаянную химеру равенства вверху».²⁹

В качестве другого серьезного недуга русского исторического правосознания Ильин выделял «больное восприятие собственности и хозяйственного процесса», проявлявшееся наиболее ярко в неверии в «труды праведные», в склонности считать более доходным «напор не на природу, а на имущество соседа». По его словам, русское простонародное правосознание «ценит в собственности не воплощение своих предков и себя, не творчество, не качество, не *fidem*³⁰ и не *justum tutulum*,³¹ но количество, объем, власть, почет и возможность разнуздания своих страстей; и потому оно почти всегда готово отдать и *fides*, и *titulus*, и правовую крепость, и даже *tempus*,³² за *nudum corpus*³³ захваченного блага. “Что взято — то свято”,

²⁶ Там же. С. 210.

²⁷ Там же. С. 211.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Доверие.

³¹ Правовой титул, дающий юридическое основание для обладания тем или иным имуществом.

³² Срок (в данном случае термин *tempus* употребляется в смысле условия для приобретения права собственности на имущество).

³³ Досл.: голое тело (в данном случае словосочетание *nudum corpus* обозначает вещь, лишенную правового титула, которую невозможно защищать юридическими средствами).

жизнь коротка, “умрешь — с собой ничего не возьмешь”, а богатство само купит себе и правовой титул, и спасение души — и вот *detentio*³⁴ ценится в народном сознании выше *proprietas*,³⁵ ненасытный *animus*³⁶ пренебрегает этико-правовую форму имущества и *furtum*³⁷ почти приравнивается к *acquisitio naturalis*.³⁸

Для объяснения причин разрушительной русской революции историко-правоведу придется, указывая Ильин, исследовать «историю русской национально-духовной культуры». По его словам, в этом исследовании историк права увидит, что «в России еще не изжит частно-правовой подход к государству, а публично-правовой еще не воспитан; что размеры национально-государственной задачи — и по объему, и по сложности, и по глубине — были не по плечу исторически отсталому и шаткому русскому правосознанию; что эти задачи требуют от персонального субстрата России той высокой, солидаристически-корпоративной и патриотически-сознательной спайки, которая не присуща массам, выросшим под опекою деспотического учреждения, что дореволюционный государственный строй своими традиционными заблуждениями и ошибками сам породил и вскормил своего антипода во всей его буреломно-отрицательной силе».³⁹ И многое другое, надеялся Ильин, осмыслится и объяснится в исследовании русскими правоведами истории русской «национально-духовной культуры»: и шаткость русского патриотизма, с его способностью «предать дело публичного спасения за частный прирбок... и русские идеологические заблуждения XIX в.... и политическая безвольная немощь русского либерализма; и политическое бессилие православной церкви за последние двести лет... и неудачи русской политики в национальном вопросе; и возникновение идеи “внутреннего врага”... Но главное — тогда только обнаружатся, познаются и утвердятся те *здоровые* и глубокие основы русского правосознания, на которых вопреки всему выросло государственное и духовное величие нашей родины в ее недоосознанной еще другими народами самобытности, мудрости и славе».⁴⁰

Главной философско-научной задачей русского правоведения Иван Александрович называл поиск и изучение **нормального правосознания**. С его точки зрения, «нормальное правосознание — это то, которое соответствует *норме*, которое в своей основе, в своем строении, в мотивации и в силе — *верно*».⁴¹ Проблема нормального правосознания является проблемой, древней как мир. Две основные характеристики его достаточно ясно выражаются в наставлениях Библии, Конфуция, «Законов Ману» и других подобных древних книгах. Во-первых, это убеждение в том, что нормальное правосознание есть «*здоровое, сильное и творчески-зидущее правосознание*» и, во-вторых, что корни нормального правосознания «*связаны с нравственной добродетелью и с религиозностью*».⁴²

³⁴ Держание (фактическое обладание вещью).

³⁵ Права собственности.

³⁶ Намерение владеть вещью, отношение к той или иной вещи как к своей — субъективный, волевой элемент в институте владения по праву Древнего Рима.

³⁷ Кража.

³⁸ Досл.: естественное приобретение (в данном случае словосочетание *acquisitio naturalis* означает приобретение вещи посредством простого захвата, без получения надлежащего правового титула).

³⁹ Ильин И. А. Основные задачи правоведения в России. Т. 9–10. С. 214.

⁴⁰ Там же. С. 214–215.

⁴¹ Там же. С. 216.

⁴² Там же. С. 218.

«Нормальность правосознания, — утверждал Ильин, — есть *главная основа государственной организации и огражденной ею духовной культуры*». ⁴³ «*Строить право* — не значит придумывать новые законы и подавлять беспорядки; но значит *воспитывать верное и все углубляющее и крепнущее правосознание*.

Строить государство — не значит завоевывать территории и ради этого изнурять платежеспособность населения; но это не значит и вливать политически незрелую массу в правительство, предоставляя ей удостовериться в своей политической немощи путем погубления духовной культуры и персонального субстрата страны.

Но это значит *воспитывать в народе государственный образ мыслей, государственное настроение чувства, государственное направление воли*». ⁴⁴

В связи с этим настоящей целью права и государства И. А. Ильин объявлял устроение и ограждение «*национального и тем самым именно через это осуществляющегося общечеловеческого духовного расцвета*». «*Расцвет национальной духовной культуры и ее коллективного субъекта как такового, — продолжал он свою мысль, — есть расцвет родины*. Так что законы и государство образуют положительно-правовую форму родины; а родина — т. е. национальная духовная культура и ее живой и природный субстрат, составляет *содержание и цель государства и права*.

Субъект права, который *не любит* свою родину, не будет блюсти и не может блюсти ее интереса; ему не по пути с его собственным государством; начав постепенно действовать, он его тотчас *предаст и быстро погубит*». ⁴⁵ Отсюда следующий вывод Ильина: «*Приятие родины, права, государства и власти лично любовью, уважением, доверием, волею и мыслью — составляет самую основную сущность нормального правосознания и государственного национально-духовного расцвета. Заставить любить и желать нельзя; но воспитывать волю, но взращивать любовь, но образовать мысль можно и должно*». ⁴⁶

В заключении своей речи «*Основные задачи правоведения в России*» И. А. Ильин говорил о том, что «*юридическая наука должна строиться не просто как наука о “праве”, но как наука о “праве в нормальном правосознании”*: ибо мало думать о праве, надо его *испытывать и видеть*». ⁴⁷ Иначе говоря, он призывал поставить юриспруденцию на прочное основание настоящего правового опыта. Глубокий дефект современной юриспруденции, не только русской, но и вообще мировой, мыслитель видел в том, что она «*не сознает своей опытной природы и не сознает природы своего опыта*; и потому она — или наблюдает и описывает внешние явления (поверхностные отражения правовых событий), или размышляет одним умом над отвлеченными различениями, комбинируя их то ради классификации, то ради профессионального злоупотребления». ⁴⁸

России необходимо, заканчивал свою речь Ильин, «*поколение прозревших и перевоспитавших себя правоведов, которые сумели бы начертать и осуществить систему верного социального воспитания — воспитания в массе нормального субъекта права*. Это поколение не будет уже беспочвенно мечтать о химерической утопии и по-детски требовать

⁴³ Там же. С. 219.

⁴⁴ Там же. С. 221.

⁴⁵ Там же. С. 223.

⁴⁶ Там же. С. 224.

⁴⁷ Там же. С. 227.

⁴⁸ Там же.

немедленного осуществления любимой химеры. Оно сумеет *предохранить* свою родину от *повторения* злосчастных ошибок прошлого — и в то же время оно сумеет *усвоить верную мудрость старого*.

Россия нуждается в том, чтобы ее правоведаы и вожди постоянно вос- питывали в самих себе *художников естественной правоты*.⁴⁹

Следующим этапом в развитии И. А. Ильиным темы правосознания ста- ла публичная речь, произнесенная им во время торжественной церемонии открытия Русского Научного института в Берлине 17 февраля 1923 г. В том же году эта речь была опубликована в виде отдельной брошюры объемом в 32 страницы под названием «Проблема современного правосознания».⁵⁰

Свое выступление Иван Александрович начал со следующего утверж- дения: «Историческая эпоха, ныне переживаемая народами, должна быть осмыслена как эпоха великого *духовного разоблачения и пересмотра*».⁵¹ Далее он постарался обосновать эту мысль. По мнению Ильина, «мировая война и революционное брожение, потрясающие всю жизнь народов до са- мого корня, являются по существу своему явлениями стихийными».⁵² Всю- ду же, где вспыхивает стихия, где люди оказываются бессильными перед ее слепым и сокрушающим порывом, — «всюду вскрывается несовершенство, или незрелость, или вырождение *духовной культуры* человека».⁵³ «Как бы ни было велико значение материального фактора в истории, с какою бы силою потребности тела ни приковывали к себе интерес и внимание чело- веческой души — *дух человека никогда не превращается и не превратится в пассивную, недействующую среду, покорную материальным влияниям и телесным зовам*».⁵⁴ «Войны и революции наших дней свидетельствуют с очевидностью о том, что духовная жизнь современного человечества слагалась неверно, что все стороны ее находятся в состоянии глубокого и тяжелого кризиса. Человечество заблудилось в своих духовных путях, оно *утратило живое, цельное и искреннее отношение к высшим предме- там и целям жизни*; оно *религиозно оскудело и растерялось*. И вследствие этого в нем расшатались воспитывавшиеся в нем веками *глубокие основы мирозерцания и характера*».⁵⁵

Ильин считал, что русские правоведаы должны начать «духовный пе- ресмотр с того способа жить правом и подходить к государству, который усвоен современным человечеством».⁵⁶ Это означает, по его мнению, что

⁴⁹ Там же. С. 229–230. — В работе «О сущности правосознания» И. А. Ильин выражал мысль о том, что научная юриспруденция оказывает большое влияние на состояние народ- ного правосознания. «Народное правосознание, — утверждал он, — может стоять на высоте только там, где на высоте стоит юридическая наука. Там, где юриспруденция непредметна и пристрастна или, еще хуже, невежественна и продажна, там вырождается самая сердцевина правового мышления и быстро утрачивается уважение к праву, ученый приближается к типу старого подьячего, и от его “научного крючкотворчества” быстро меркнет правосознание. В суждениях о праве воцаряются шаткость и злокачественная туманность; в умах все дво- ится и колеблется; и трудно ждаты чего-нибудь от “земли”, когда соль ее теряет свою силу» (Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. Т. 4. С. 168).

⁵⁰ Ильин И. А. Проблема современного правосознания. Берлин, 1923. — Ильин сообщал П. Б. Струве о выходе в свет этой брошюры в письме от 4 апреля 1923 г.

⁵¹ Ильин И. А. Проблема современного правосознания // Ильин И. А. Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954) / сост. и комм. Ю. Т. Лисицы. М., 2001. С. 445.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 445–446.

⁵⁵ Там же. С. 447.

⁵⁶ Там же. С. 448.

как не орудием массовых страстей и личных интриг, как не орудием классовой злобы и разрушения, т. е. орудием зла и гибели?»⁶⁵

Пятая часть речи Ильина была посвящена характеристике основных этапов кризиса современного правосознания. Венцом этого кризиса он объявил революцию. По его словам, «революция явила в невиданных еще человечеством формах и размерах *разложение духа и правосознания*».⁶⁶

В заключительной части своей речи Ильин сделал вывод: «Разложение современного правосознания так велико, и коренится оно столь глубоко, что продолжение этого процесса грозит всей цивилизации и всей культуре реальной гибелью».⁶⁷ По его мнению, русские правоведы, приехавшие из России, должны осмыслить и передать свой трагический духовный опыт молодым поколениям России и «вместе с ними приступить к осознанию новых задач юриспруденции и правотворчества».⁶⁸

Главные идеи данной речи И. А. Ильин положил в основу статьи «Большевизм и кризис современного правосознания», которая была опубликована в 1926 г. в одном из немецких журналов.⁶⁹ Кроме того, некоторые из высказанных в ней мыслей были воспроизведены в лекциях на тему «Мировые причины русской революции», прочитанных им в Берлине зимой и весной 1928 г.⁷⁰

Сокращенный и переработанный вариант речи «Проблема современного правосознания» составил первую главу⁷¹ самой значительной работы Ильина в области правоведения — «О сущности правосознания». Эту работу он начал писать, по всей видимости, в 1916 г. «Кончаю книгу “О сущности правосознания” (выйдет осенью)»,⁷² — сообщал он 5 июня указанного года Л. Я. Гуревич. Но в действительности данная книга была лишь набрана и подготовлена к печати (в начале 1918 г.), но так и не вышла в то время в свет. В большевистской России она, естественно, и не могла быть опубликована. Однако Ильин не стал публиковать свою книгу о правосознании и за границей. Р. М. Зиле, познакомившийся с Ильиным в 1928 г. и все последующие годы состоявший с ним в переписке, говорил в 1955 г. в речи, посвященной его памяти: «В 1919 г. Ильин заканчивает исследование о сущности правосознания⁷³; оно читалось в виде курса

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 459.

⁶⁷ Там же. С. 462.

⁶⁸ Там же. С. 463.

⁶⁹ *Ijlin I. A. Der Bolschewismus und die Krise des modernen Rechtsbewußtseins / Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie. Berlin-Grünwald, 1925/1926. Band XIX. S. 26–44.* — В 2001 г. статья русского правоведа была напечатана в журнале «Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie» (Band. 87. Heft 1. S. 61–71), созданном в качестве правопреемника вышеназванного издания. В переводе на русский язык указанная статья Ильина вышла в свет в 1998 г. (см.: *Ильин И. А. Большевик и кризис современного правосознания // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. Т. 7 / сост. и комм. Ю. Т. Лисицы. М., 1998. С. 7–26*).

⁷⁰ *Ильин И. А. Мировые причины русской революции // Ильин И. А. Собр. соч.: Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней / сост. и комм. Ю. Т. Лисицы. М., 2001. С. 190–216.*

⁷¹ Ильин даст указанной главе краткое название «Проблема» (см. ее текст: *Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 151–160*).

⁷² *Ильин И. А. Письмо к Л. Я. Гуревич от 5 июня 1917 г. // Ильин И. А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938) / сост. и комм. Ю. Т. Лисицы. М., 1999. С. 92.*

⁷³ На самом деле И. А. Ильин завершил написание всего текста книги «О сущности правосознания» до конца 1917 г., и этому есть документальное подтверждение.

«Государственный образ мыслей, государственное настроение чувств, государственное волеуправление — все это вместе составляет необходимую и реальную основу всякого живого государства или вернее, — *подлинную ткань его жизни*. Это как бы тот воздух, которым оно дышит и без которого оно задыхается и гибнет. Где этого нет, там нет государства, а есть только его пустая видимость, и первые же серьезные затруднения не замедлят обнаружить это».⁸² Такое понимание сущности государства Ильин считал главным условием проведения успешной государственной политики. При этом русский мыслитель отмечал, что если государственная политика строится на основе воззрения на государство лишь как на внешнюю силу, оторванную от правосознания, то она неизбежно сосредоточивается на актах, выражающих интересы узкого круга правящих лиц. Государство в этом случае уходит из подлинной стихии народной жизни и превращается для его граждан «в чуждую им и неосмысленную систему мертвящего принуждения. Государственная принадлежность начинает переживаться как ненавистная кандалная цепь, а правители кажутся чуть ли не бессменными тюремщиками».⁸³

Одним из главных проявлений «государственного правосознания» русский мыслитель считал *патриотизм*. В книге «О сущности правосознания» он посвятил ему специальную главу.⁸⁴ «Истинный патриотизм, — утверждал в ней И. А. Ильин, — родится из того же источника, как и нормальное правосознание: из *духовной природы человека* и из *воли к духу*. Любовь патриота посвящена тому же предмету, которому служит право: *духовной жизни, ее устроению к расцвету*».⁸⁵ Любить родину значило для Ильина «любить ее *дух* и через него все остальное, не просто “душу народа”, т. е. его национальный характер, но именно *духовность его национального характера и национальный характер его духа*».⁸⁶ Иметь родину значило для него «иметь особый, самостоятельный естественно-правовой союз, не совпадающий со всемирной, общечеловеческой общиной, и отдавать ему преимущество в деле любви и служения».⁸⁷ Увязывая понятие родины с понятием государства, Ильин тем не менее вполне четко различал их между собой. «Государство, — писал он в главе “О государственном правосознании”, — определяется именно тем, что оно есть *положительно-правовая форма родины*, а родина есть его *творческое, духовное содержание*».⁸⁸

Тема правосознания разрабатывалась И. А. Ильиным также при изучении им проблемы соотношения монархии и республики. Его исследования в этой области должны были вылиться в большую книгу — из 12 глав, введения и заключения. К сожалению, Ильин не смог завершить этого труда. Он успел написать лишь введение и первые семь глав.⁸⁹ Во введении Ильин писал о затруднениях, с которыми ему пришлось столкнуться в процессе исследования монархии. Задача установить сущность

⁸² Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 262–263.

⁸³ Там же. С. 259.

⁸⁴ Там же. С. 240–258.

⁸⁵ Там же. С. 242.

⁸⁶ Там же. С. 255.

⁸⁷ Там же. С. 242.

⁸⁸ Там же. С. 258.

⁸⁹ Их текст был опубликован биографом И. А. Ильина Н. П. Полторацким сначала в журнале, а затем отдельной книгой (см.: Ильин И. А. О монархии // Русское Возрождение. Нью-Йорк, 1978. № 1–4; Ильин И. А. О монархии и республике. Нью-Йорк, 1979).

монархического строя в отличие от республиканского трудна, отмечал он, «потому, что сущность монархии, как и сама сущность права, — имеет природу *сверх-юридическую*. Это означает, что для разрешения вопроса об отличии монархии от республики необходимо, *не выходя из пределов науки, выйти за пределы юриспруденции*. Надо, не порывая с научным материалом государственных законов, политических явлений и исторических фактов, *проникнуть в их философский, религиозный, нравственный и художественный смысл* и постигнуть их как состояния человеческой души и человеческого духа».⁹⁰

В первой главе своей книги «О монархии» Ильин показывал бесплодность попыток современной юриспруденции отличить монархию от республики по правовому положению верховного государственного органа. По его словам, «при тщательном историческом изучении отличие монархии от республики растворяется в целом множестве неуловимых переходов и нахождения единого и определенного формального критерия представляется неосуществимым».⁹¹ Этот свой вывод он подтверждал ссылками на многочисленные исторические факты.⁹²

Подлинное отличие монархии от республики Ильин обнаруживал главным образом в сфере правосознания. После кратких рассуждений о сущности правосознания как такового Ильин приходил к заключению, что «постигнуть жизнь и смысл *государственной формы* невозможно помимо правосознания. Ибо всякая государственная форма есть прежде всего «порождение» или «произведение» правосознания, — конечно, не личного, но множества сходно живущих, сходно «построенных» и долго общающихся личных правосознаний».⁹³ Из этого положения Ильин выводил мысль о том, что «сущность монархического строя, в отличие от республиканского, должна исследоваться не только через изучение юридических норм и внешних политических событий. Но прежде всего через изучение *народного правосознания и его строения*».⁹⁴

Сравнивая монархическое правосознание с республиканским, Ильин проводил следующие различия:

1. Монархическое правосознание, по его словам, «тяготеет к олицетворению государственной власти и всенародного коллектива»; республиканское же «тянет к растворению личного и единоличного начала, а также и самой государственной власти в коллективе».⁹⁵

2. Для монархического правосознания характерно рассматривать государство в качестве семьи, а носителя верховной государственной власти — как отца, главы этой семьи. «Для республиканского же правосознания патриархально-семейственное восприятие государства и верховной власти чуждо или даже неприемлемо... Республиканское правосознание постепенно теряет идею родовой сопринадлежности, чувство кровной связи через общего предка. Оно несет с собой идею кровнонесвязанной совокупности, идею множества «рядом жителей», человеческих «атомов», которым должны быть обеспечены прежде всего «свобода», потом «равенство»

⁹⁰ Ильин И. А. О монархии и республике // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. Т. 4. С. 417–418.

⁹¹ Там же. С. 425.

⁹² Там же. С. 425–443.

⁹³ Там же. С. 450–451.

⁹⁴ Там же. С. 454.

⁹⁵ Там же. С. 461.

Ильина привлекала не сама по себе монархическая форма правления, но создаваемая ею возможность иметь в качестве главы государства лицо, не связанное с какими-либо классами и политическими группировками. Идеалом Ильина являлась не просто монархия, но правление царя, стоящего вне партий, классов и сословий. Выступая в апреле 1926 г. на проходившем в Париже Российском зарубежном съезде, он говорил: «Не здесь и не сейчас разворачивать мне красоту и глубину — религиозную, художественную и политическую силу подлинной царской идеи; но основного я не могу не коснуться здесь. Царь вне партий, классов и сословий. Широко его сердце — всей стране есть в нем место. Он не царь большинства, и не царь меньшинства, — а царь всея страны, всего народа».¹⁰²

В лекционном курсе «Понятия монархии и республики», читавшемся в 1929/1930 учебном году в Русском Научном институте, Ильин проводил мысль о том, что царь существует для страны, для нации, а не страна для царя. «Власть монарха не высшая, не самодовлеющая цель; служение и верность ему тем более не являются самодовлеющей целью», — подчеркивал он и далее делал совершенно крамольное для истинного монархиста заявление: «Монархизм, предпочитающий царя родине, при неизбежности выбора — не есть политическая добродетель; он столь же нелеп, как тезис ожесточенного демократа — пусть страна моя станет демократией, хотя бы ценою собственной гибели... Царь, извращающий, роняющий, унижающий собственное звание, — нуждается со стороны подданных не в повиновении, а в *воспитывающем его неповиновении*».¹⁰³

Высоко оценивая монархическую форму правления, Ильин тем не менее не считал правильным навязывать ее России ни в настоящем, ни в будущем.¹⁰⁴ Он выступал против того, чтобы России вообще что-либо навязывалось. В одной из своих статей он писал: «Помышляя о грядущей России и подготавливая ее в мыслях, мы должны исходить из ее исторических, национальных, религиозных, культурных и державных основ и интересов. Мы не смеем, — ни торговать ими, ни разбазаривать наше общерусское, общенародное достояние. Мы не смеем обещать от лица России — *никому, ничего*. Мы должны помнить ее, и только ее. Мы должны быть верны ей, и только ей. Поколение русских людей, которое поведет себя иначе, будет обозначено в истории России, как поколение дряблкое и предательское».¹⁰⁵

На склоне своих лет Ильин прямо заявлял, что после событий, произошедших в России и в мире в течение первой половины XX в., лозунги «демократии», «федерации», «республики», «монархии» и т. п. «сами по себе *ничего не означают*». «Прошло то время, когда русская интеллигенция воображала, будто ей стоит только заимствовать готовую государ-

¹⁰² Ильин И. А. Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). М., 2001. С. 465.

¹⁰³ Ильин И. А. Из лекций «Понятия монархии и республики» // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. Т. 4. С. 567.

¹⁰⁴ В статье «Республика-монархия», опубликованной в газете «Возрождение» 9 мая 1926 г. (№ 341), Ильин писал: «Кровью можно пресечь, но нельзя создать и построить, а терзать Россию новою гражданской войною во имя водворения ложной, партийной монархии на крови честных, но иначе мыслящих русских патриотов — это надо предоставить героям правой стенки...» (Ильин И. А. Собр. соч.: Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней. С. 438).

¹⁰⁵ Ильин И. А. Очертания будущей России // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. Т. 2. Кн. 1 / Сост. и комм. Ю. Т. Лисицы. М., 1993. С. 440–441.

